

Гипноз Алана очень эффективен, Лин Цинъю уснула, и даже Алан перевязал ей ноги и вскрыл их без какой-либо реакции.

Потирая лоб, Алан посмотрел на ноги перед собой и сказал: "Я хочу выровнять ее кости, но все в порядке, гораздо лучше, чем я думал."

"Будет ли это иметь эффект?" спросил Ян Чжао, сидя на кровати и держа Лин Цинъю за руку, глядя на ее нахмуренные во сне брови.

"Нет, не волнуйтесь, она не настолько слаба". Алан прорезал отверстие и начал выковыривать тонкой иглой несколько маленьких косточек.

Ян Чжао погладил брови Лин Цинъю. Когда Алан только ворвалась, все просили ее показать Лин Цинъю, но Лин Цинъю сразу же выгнала его, попросив Алан сначала спасти тяжелораненых.

Вам должно быть очень больно, Янь Чжао нехорошо, и все равно не может защитить вас сейчас!

"Генерал Ян", - Алан взглянул на Ян Чжао, разводя руками, а затем сказал: "Жизнь и смерть судьбоносны. Вы слишком серьезно относитесь к другой стороне, но это бремя. С твоим положением и богатством девушки, ты - любопытный глаз. Это нормальное явление. В будущем вы будете сталкиваться с этим чаще. Что такое фенхуатянин? В будущем будет больше фенхуатян. Если вы действительно думаете о девушке, вы должны научить ее не беспокоиться слишком сильно. Это вопрос разочарования, который делает людей более сонными. Если она не сможет смириться с уходом окружающих ее людей, то однажды она просто рухнет".

Ян Чжао ошарашенно посмотрел на Алана.

"Девушка заботится о любви. Она ни к кому не относится как к простому подчиненному. Она не заботится о своей собственной жизни, но больше заботится о жизни других. Если она пожертвует собой ради нее, это будет для нее тяжелым бременем". Алан бросил легкий взгляд на Ян Чжао, затем посмотрел на человека, стоящего за дверью, и сказал: "Твои чувства слишком тяжелы..."

"Моя любовь - это бремя для нее?" Янь Чжао безучастно посмотрел на Алана и спросил.

Алан неосознанно вздохнул, покачал головой и сказал: "Ты тоже жестокосердный человек. Это не то, что ты имеешь в виду."

Иногда вы не всегда думаете, что она настолько хрупка, что вы должны полагаться на свою жизнь, чтобы защитить ее. Пусть ей будет больно и она не умрет. Какое это имеет значение? Забудь об этом, я уже не знаю, о чем говорю".

Ян Чжао горько улыбнулся, но мое сердце болит, но мое сердце болит всякий раз, когда ей хоть немного больно.

"Сейчас, как сейчас, когда она проснется, ты не хочешь выглядеть так. Ты хочешь чувствовать себя так: "Что это за такая маленькая боль? Давай перенесем это, и если это так, может быть, она все еще ведет себя с тобой как ребенок, если твое лицо так болит, она даже не посмеет сказать, что это больно." Алан положил лекарство на лекарство, начал перевязывать и сказал.

"Есть и другой способ". Алан встал и сказал людям за дверью: "Не забудьте назвать ей, что

рана болит, когда я видел ее, это больно, и это больно, поверьте мне! Будете так кричать, она завтра засмеется и выйдет".

Ин Ши, которая пристально смотрела на нее, повернула голову, чтобы посмотреть на Ин Тринадцатую. Улыбка медленно появилась в уголке рта Ин Тринадцатой, и она сказала: "Я понимаю, просто делай, как сказал гениальный доктор".

Алан кивнул и сказал: "Если бы не сто тысяч таэлей серебряных купюр, я бы не стал беспокоиться о тебе".

Утром Линь Цинъюй разбудили голоса снаружи. Он поднял руку и прикрыл глаза, проснувшись, а затем внимательно прислушался к внешним звукам, но раздалось лишь несколько смешков, а затем ни звука.

Солнечный свет проникал через окна, заливая комнату ярким светом, придавая красным свечам и большому красному счастливому персонажу оттенок золота.

Лин Цинъюй была ошеломлена, а затем вспомнила о вчерашней свадьбе ****, после чего Ян Чжао дал ей лекарство, и она уснула.

"Хэ Ли!" воскликнул Линь Цинъюй, беспокойно встал, его ноги внезапно запульсировали и он упал назад.

Янь Чжао сжал кулаки и ждал, пока выражение его лица немного померкнет.

Подбадривая Алана, он изменил улыбающееся лицо, затем вошел в комнату и сказал: "Цинъюй, ты проснулся?".

Его улыбка была настолько блестящей, что Лин Цинъюй почувствовал себя немного ошеломленным, затем покачал головой и спросил "С ними все в порядке?".

"Эти убудки, не волнуйтесь, с вами все в порядке". Янь Чжао поднял тонкое одеяло, осторожно помог ей встать и спросил "Ты хорошо спала?".

Это было очень странно, но Лин Цинъюй не могла понять, в чем дело, кивнула и сказала: "Лекарство Алана слишком сильное, когда оно будет?"

"Уже почти полдень". Ян Чжао преждевременно отложил тазик и вуаль и попросил ее умыться.

Линь Цинъюй взял платок и умыл лицо, а затем прополоскал рот чашкой воды, но чувство неповиновения становилось все тяжелее. Он недоверчиво посмотрел на Ян Чжао и увидел, что его брови изогнуты и выглядят очень счастливыми. Я снова не могу найти ошибку.

Закончив мыться, Ян Чжао переделась в пальто, а затем сказала: "Может, посидим снаружи?" Пусть парни снаружи наслаждаются моим нынешним лечением!

"Хорошо."

Ян Чжао обнял Лин Цинъюй, и намеренно сжал ее в соответствии с просьбой Алана. Подавив боль в сердце, он вышел из комнаты, так как не услышал ее шепот.

"Доброе утро, дом!"

"Какое утро? Уже утро."

"Какое утро, уже почти полдень!"

Во дворе было шумно, но что еще больше удивило Линь Цинъю, так это то, что из дюжины людей во дворе все были в повязках и без рубашек? Я посмотрел на небо, да, погода сегодня жаркая, но это, это слишком впечатляюще!

Увидев странное выражение лица Линь Цинъю, Ин Шисань ударил Мэн Су ножом перед собой и вытолкнул его.

Линь Цинъюй перевел взгляд на Мэн Су, и ему показалось странным видеть повязку, обмотанную вокруг его руки и груди. Не успел он заговорить, как Мэн Су уже сказал: "Господин, вчера я убил убийцу. Рана очень болезненна".

Улыбка, улыбка, улыбка!

Лин Цинъю был ошеломлен и сказал: "Иди сюда, я посмотрю."

"Когда Мэн Су подошел к фронту и разорвал повязку на своем теле, на его груди появилась рана, но она была очень маленькой. Обычно я боялся, что он просто слижет слюну, но он сохранил нормальный вид и сказал: "Она немного тяжелая, думаю, ее нужно будет заново обработать перед применением лекарств".

"Ну, голова, моя рана тоже очень болезненна, не можете ли вы мне осмотреть ее?" Гуань Сяо был отпихнут Ли Янем.

Лицо Лин Цинъюя немного потемнело, а после того, как подошел Гао Люгучэн Ду Мин и закричал от боли, его лицо стало еще темнее, и он спросил, "Что ты хочешь сделать?".

"Ну, давай подумаем, разве мы тоже не ранены? Я не знаю, есть ли какая-нибудь награда?" Ли Янь прикусил свой скальп и спросил. Тогда Иньши затянулся и сказал: "Он тоже так думает".

Иньши не смог, поэтому кивнул.

Линь Цинъюй глубоко вздохнул и сказал: "Десять!".

"Да!" Ин Ши сразу же выпрямился, рана была настолько болезненной, что он не мог об этом заботиться.

"Кто ты от меня?" спросил Линь Цинъюй.

"Я личный охранник дома!" громко ответил Ин Ши.

"Каков круг твоих обязанностей?" спросил Линь Цинъюй.

Этот? Ин Ши посмотрел на Тринадцатого Тенистого Глаза, затем на Линь Цинъюя, и тут же сказал: "Охраняй безопасность главы дома, пройди через воду и огонь, и ты будешь там!"

"Тогда какую награду ты хочешь?" спросил Линь Цинъюй с мрачным лицом.

"Меня вытащил он". Ин Ши продал Ли Яня без колебаний.

"Тогда Ли Янь, кто ты мой?" Линь Цинъюй начал чувствовать, что что-то не так, после того как он спросил, его лицо успокоилось, а голос стал низким.

"Мы подчиненные главы, и наш долг - защищать безопасность главы". Ли Янь быстро закончил говорить на одном дыхании.

"Я твой муж, и все, что я должен делать". Ян Чжао прошептал на ухо Лин Цинъюй.

"Алан! Выйди ко мне!" воскликнул Линь Цинъюй. Эти мужчины знают такой метод антистимуляции! Это должен быть Алан!

Конечно, эти два человека - самые вдохновляющие.

! Люди во дворе подумали одновременно.

"Ну, - сказал Алан, - вчера было слишком утомительно спасать людей. Если сегодня небо не упадет, не надо ее звать!" сказал Ши Фан, высунув голову из крыла.

"Поверь, что она призрак, она, должно быть, наблюдает там за волнениями! Мертвый Алан, не держи меня!" воскликнул Линь Цинъюй с раскрасневшимся лицом.

"Это конец?" спросил Гао Лю, затем сорвал повязку со всего тела, лизнул рану на руке и сказал: "Гучэн пойдет за мной и принесет стол".

Как только он начал, другие люди тоже начали срывать повязки, с большими и маленькими открытыми ранами, улыбаясь, начали накрывать столы во дворе.

"Цинъюй, мы принадлежим полю боя, жизнь и смерть для нас слишком обыденны", - Ян Чжао обнял Лин Цинъюй, вернувшись в дом, и прошептал: "Наш долг - защищать тебя. Живи, мы счастливы, и умри. Мы умерли хорошо, ты можешь горевать о нас, можешь плакать о нас, но не печалься об этом, знаешь, таким образом, даже если мы умрем, нам не будет спокойно. Только если вы будете жить счастливо, нам будет больно и мы будем достойны смерти. "

"Поверь мне, Чжао не такой уж бесполезный человек, будь то твои охранники Янь Цинцзю, Хэ Ли Мэн Су и другие, мы не такие уж бесполезные люди". Янь Чжао потеряла макушку и рассмеялась: "Только если вы живете комфортно и счастливо, то, что мы делаем, имеет смысл."

"Это я один?" спросил Линь Цинъюй приглушенным голосом, это я один, так что вы все в отчаянии?

"Глупец, ты представляешь более одного человека? Подумай, если у семьи Линг не будет тебя, Хань Мэн и остальные смогут слиться с деревней семьи Линг? Как только семья Линг отделится, что будет с теми, кто зависит от семьи Линг? Возьмем для примера нас, если не будет помощи от семьи Линг, как можно будет иметь такое сложное оборудование? Уже в предыдущих битвах я боюсь, что все мы погибнем в бою. Сохранить тебя - значит сохранить всех этих людей.

Подумай, имеет ли значение твоя жизнь?". Ян Чжао обнял ее и сел в кресло, взял расческу и расчесал ее длинные волосы, сказал. Алан неоднократно признавалась, что с точки зрения справедливости она должна быть раздавлена до смерти! Не говори таких глупостей, если ты умрешь, а я не смогу жить. Как может такая вещь в моем сердце стать глупостью? Учитывая, что Алан действительно является человеком, который лучше всех понимает мысли Лин Цинъюй, Ян Чжао решил честно следовать ее словам.

"Кстати говоря, я действительно великий?" Линь Цинъюй неосознанно кивнул.

"И видишь, под моим началом столько солдат. Кому как не им ладить друг с другом, как братьям, каждый день? Битва приведет к множеству смертей. Если у меня будет время грустить по одному, то я смогу просто умереть с ними раньше". Янь Чжао собрала волосы в пучок и сказала.

Ян Чжао положила Лин Цинъюй на мягкую кушетку, села, взяла карандаш для бровей, тщательно погладила брови, а затем продолжила: "Я очень серьезно отношусь к этим братьям, и сделаю все возможное, чтобы они были в безопасности, так же как и ваши охранники, но Цинъюй, ты должен четко различать. Если охранники и подчиненные не выполняют свою работу, то что ты хочешь, чтобы они делали?"

Линь Цинъюй моргнул и застыл на месте, как эти слова могли звучать так знакомо?

"Подожди", - Лин Цинъюй схватил Ян Чжао за руку, заставив сердце Ян Чжао подпрыгнуть. Затем Лин Цинъюй сказал: "Картина кривая!". Он вздохнул с облегчением и поспешно взял вуаль и вытер ее.

"Да ладно, я сам", - Линь Цинъюй взял карандаш для бровей, а затем небрежно спросил: "Чему еще учил Алан?".

"Тому, что у тебя должно быть сознание того, что ты главный. Твои подчиненные будут огорчены, если их серьезно ранят. Тогда, разве ты не должен выходить после смерти одного или двух?" После того как Ян Чжао закончил говорить, он закрыл рот и опустил голову.

Линь Цинъюй отложил карандаш для бровей, посмотрел, как веселые мужчины за окном расставляют посуду, и сказал: "Я знаю, что дорога, по которой мы будем идти в будущем, еще более опасна. Таких вещей не избежать. Я должен научиться принимать это и смириться с тем, что однажды, возможно, на меня обменяли жизни таких людей, как они. Потому что это путь, который я выбрал".

"Просто," Лин Цинъюй обхватил лицо Ян Чжао обеими руками и сказал, "Чжао, ты не такой, ты не мой подчиненный, ты моя любовь, ты понимаешь?".

Янь Чжао слабо улыбнулся, пожал ей руку и сказал: "Я знаю, поэтому я буду защищать себя. Разве ты забыла? Я - Ян Чжао, который побеждает во всех битвах".

Гипноз Алана очень эффективен, Лин Цинъю заснула, и даже Алан перевязал ей ноги и вскрыл их без какой-либо реакции.

Потирая лоб, Алан посмотрел на ноги перед собой и сказал: "Я хочу вправить ее кости, но все в порядке, гораздо лучше, чем я думал."

"Будет ли это иметь эффект?" спросил Ян Чжао, сидя на кровати и держа Лин Цинъюй за руку, глядя на ее нахмуренные во сне брови.

"Нет, не волнуйтесь, она не настолько слаба". Алан прорезал отверстие и начал выковыривать тонкой иглой несколько маленьких косточек.

Ян Чжао погладил брови Лин Цинъюй. Когда Алан только ворвалась, все просили ее показать Лин Цинъю, но Лин Цинъю сразу же выгнала его, попросив Алан сначала спасти тяжелораненых.

Вам, должно быть, очень больно, Ян Чжао нехорош, и все равно не может защитить вас сейчас!

"Генерал Ян", - Алан взглянул на Ян Чжао, разводя руками, а затем сказал: "Жизнь и смерть судьбоносны. Вы слишком серьезно относитесь к другой стороне, но это бремя. С твоим положением и богатством девушки, ты - любопытный глаз. Это нормальное явление. В будущем вы будете сталкиваться с этим чаще. Что такое фенхуатянин? В будущем будет больше фенхуатян. Если вы действительно думаете о девушке, вы должны научить ее не беспокоиться слишком сильно."

От разочарования человек становится более сонливым. Если она не сможет смириться с уходом окружающих ее людей, то однажды она рухнет".

Ян Чжао в оцепенении посмотрел на Алана.

"Девушка заботится о любви. Она ни к кому не относится как к простому подчиненному. Она не заботится о своей собственной жизни, но больше заботится о жизни других. Если она пожертвует собой ради нее, это будет для нее тяжелым бременем". Алан бросил легкий взгляд на Ян Чжао, затем посмотрел на человека, стоящего за дверью, и сказал: "Твои чувства слишком тяжелы..."

"Моя любовь - это бремя для нее?" Янь Чжао безучастно посмотрел на Алана и спросил.

Алан неосознанно вздохнул, покачал головой и сказал: "Ты тоже жестокосердный человек. Это не то, что ты имеешь в виду. Иногда ты не всегда думаешь, что она настолько хрупка, что ты должен полагаться на свою жизнь, чтобы защитить ее. Пусть она будет ранена, но не умрет. Какое это имеет значение? Забудь об этом, я уже не знаю, о чем говорю".

Ян Чжао горько улыбнулся, но мое сердце болит, но мое сердце болит всякий раз, когда ей хоть немного больно.

"Сейчас, как сейчас, когда она проснется, ты не хочешь выглядеть так. Ты хочешь чувствовать себя так: "Что это за такая маленькая боль? Давай перенесем это, и если это так, может быть, она все еще ведет себя с тобой как ребенок, если твое лицо так болит, она даже не посмеет сказать, что это больно." Алан положил лекарство на лекарство, начал перевязывать и сказал.

"Есть и другой способ". Алан встал и сказал людям за дверью: "Не забудьте назвать ей, что рана болит, когда я видел ее, это больно, и это больно, поверьте мне! Будете так кричать, она завтра засмеется и выйдет".

Ин Ши, которая пристально смотрела на нее, повернула голову, чтобы посмотреть на Ин Тринадцатую. Улыбка медленно появилась в уголке рта Ин Тринадцатой, и она сказала: "Я понимаю, просто делай, как сказал гениальный доктор."

Алан кивнул и сказал: "Если бы не сто тысяч таэлей серебряных купюр, я бы не стал беспокоиться о тебе".

Утром Линь Цинью разбудили голоса снаружи.

Он поднял руку и прикрыл глаза, проснувшись, а затем внимательно прислушался к внешним звукам, но раздалось лишь несколько смешков, а затем ни звука.

Солнечный свет проникал через окна, заливая комнату ярким светом, придавая красным свечам и большому красному счастливому персонажу оттенок золота.

Лин Цинъюй была ошеломлена, а затем вспомнила о вчерашней свадьбе ****, после чего Ян Чжао дал ей лекарство, и она уснула.

"Хэ Ли!" воскликнул Линь Цинъюй, беспокойно встал, его ноги внезапно запульсировали и он упал назад.

Ян Чжао сжал кулаки и подождал, пока выражение его лица немного померкнет. Подбадривая Алана, он изменил улыбающееся лицо, затем вошел в комнату и сказал: "Цинъюй, ты проснулся?".

Его улыбка была настолько блестящей, что Лин Цинъюй почувствовал себя немного ошеломленным, затем покачал головой и спросил "С ними все в порядке?".

"Эти ублюдки, не волнуйтесь, с вами все в порядке". Янь Чжао поднял тонкое одеяло, осторожно помог ей встать и спросил "Ты хорошо спала?".

Это было очень странно, но Лин Цинъюй не могла понять, в чем дело, кивнула и сказала: "Лекарство Алана слишком сильное, когда оно будет?"

"Уже почти полдень". Ян Чжао преждевременно отложил тазик и вуаль и попросил ее умыться.

Линь Цинъюй взял платок и умыл лицо, а затем прополоскал рот чашкой воды, но чувство неповиновения становилось все тяжелее. Он недоверчиво посмотрел на Ян Чжао и увидел, что его брови изогнуты и выглядят очень счастливыми. Я снова не могу найти ошибку.

Закончив мыться, Ян Чжао переоделась в пальто, а затем сказала: "Может, посидим снаружи?" Пусть парни снаружи наслаждаются моим нынешним лечением!

"Хорошо."

Ян Чжао обнял Лин Цинъюй, и намеренно сжал ее в соответствии с просьбой Алана. Подавив боль в сердце, он вышел из комнаты, так как не услышал ее шепот.

"Доброе утро, дом!"

"Какое утро? Уже утро."

"Какое утро, уже почти полдень!"

Во дворе было шумно, но что еще больше удивило Линь Цинъюя, так это то, что многие из дюжины людей во дворе были в повязках и без рубашек? Я посмотрел на небо, да, погода сегодня жаркая, но это, это слишком впечатляюще!

Увидев странное выражение лица Линь Циню, Ин Шисань ударил Мэн Су ножом перед собой и вытолкнул его.

Линь Цинъюй перевел взгляд на Мэн Су, и ему показалось странным видеть повязку, обмотанную вокруг его руки и груди. Не успел он заговорить, как Мэн Су уже сказал: "Господин, вчера я убил убийцу. Рана очень болезненна".

Улыбка, улыбка, улыбка!

Лин Цинъюй был ошеломлен и сказал: "Иди сюда, я посмотрю". Когда Мэн Су подошел и

разорвал повязку на своем теле, на его груди обнаружилась рана, но очень маленькая. Обычно я боялся, что он просто слижет слюну, но он сохранил нормальный вид и сказал: "Она немного тяжелая, думаю, ее нужно будет заново обработать перед применением лекарств".

"Ну, голова, моя рана тоже очень болезненна, не можете ли вы мне осмотреть ее?" Гуань Сяо был отпихнут Ли Янем.

Лицо Лин Цинъюя немного потемнело, а после того, как Гао Люгучэн Ду Мин подошел и закричал от боли, его лицо стало еще темнее, и он спросил, "Что ты хочешь сделать?".

"Ну, давай подумаем, разве мы тоже не ранены? Я не знаю, есть ли какая-нибудь награда?" Ли Янь прикусил свой скальп и спросил. Тогда Иньши затянулся и сказал: "Он тоже так думает".

Иньши не смог, поэтому кивнул.

Линь Цинъюй глубоко вздохнул и сказал: "Десять!".

"Да!" Ин Ши сразу же выпрямился, рана была настолько болезненной, что он не мог об этом заботиться.

"Кто ты от меня?" спросил Линь Цинъюй.

"Я личный охранник дома!" громко ответил Ин Ши.

"Каков круг твоих обязанностей?" спросил Линь Цинъюй.

Этот? Ин Ши посмотрел на Тринадцатого Тенистого Глаза, затем на Линь Цинъюя, и тут же сказал: "Охраняй безопасность главы дома, пройди через воду и огонь, и ты будешь там!"

"Тогда какую награду ты хочешь?"

"спросил Линь Цинъюй с мрачным лицом.

"Меня вытащил он". Ин Ши продал Ли Яня без колебаний.

"Тогда Ли Янь, кто ты мой?" Линь Цинъюй начал чувствовать, что что-то не так, после того как он спросил, его лицо успокоилось, а голос стал низким.

"Мы подчиненные главы, и наш долг - защищать безопасность главы". Ли Янь быстро закончил говорить на одном дыхании.

"Я твой муж, и все, что я должен делать". Ян Чжао прошептал на ухо Лин Цинъюй.

"Алан! Выйди ко мне!" воскликнул Линь Цинъюй. Эти мужчины знают такой метод антистимуляции! Это должен быть Алан!

Конечно, эти два человека самые вдохновляющие! Люди во дворе одновременно подумали.

"Ну, - сказал Алан, - вчера было слишком утомительно спасать людей. Если сегодня небо не упадет, не надо ее звать!" сказал Ши Фан, высунув голову из крыла.

"Поверь, что она призрак, она, должно быть, наблюдает там за волнениями! Мертвый Алан, не держи меня!" воскликнул Линь Цинъюй с покрасневшим лицом.

"Это конец?" спросил Гао Лю, затем сорвал повязку со всего тела, лизнул рану на руке и сказал: "Гучэн пойдет за мной и принесет стол".

Как только он начал, другие люди тоже начали срывать повязки, с большими и маленькими открытыми ранами, улыбаясь, начали накрывать столы во дворе.

"Цинъюй, мы принадлежим полю боя, жизнь и смерть для нас слишком обыденны", - Ян Чжао обнял Лин Цинъюй, вернувшись в дом, и прошептал: "Наш долг - защищать тебя. Живи, мы счастливы, и умри. Мы умерли хорошо, ты можешь горевать о нас, можешь плакать о нас, но не печалься об этом, знаешь, таким образом, даже если мы умрем, нам не будет спокойно. Только если вы будете жить счастливо, нам будет больно и мы будем достойны смерти. "

"Поверь мне, Чжао не такой уж бесполезный человек, будь то твои охранники Янь Цинцзю, Хэ Ли Мэн Су и другие, мы не такие уж бесполезные люди". Янь Чжао потерла макушку головы и рассмеялась.

: "Только если вы живете комфортно и счастливо, то, что мы делаем, имеет смысл".

"Это я один?" спросил Линь Цинъюй приглушенным голосом, это я один, так что вы все в отчаянии?

"Глупец, ты представляешь более одного человека? Подумай, если у семьи Линг не будет тебя, Хань Мэн и остальные смогут слиться с деревней семьи Линг? Как только семья Линг отделится, что будет с теми, кто зависит от семьи Линг? Возьмем для примера нас, если не будет помощи от семьи Линг, как можно будет иметь такое сложное оборудование? Как и в предыдущих нескольких битвах, я боюсь, что все мы погибнем в бою. Сохранить тебя - значит сохранить всех этих людей. Подумай, так ли важна твоя жизнь?" Ян Чжао обнял ее и сел в кресло, взял гребень и расчесал ее длинные волосы, сказал. Алан неоднократно признавалась, что с точки зрения справедливости она должна быть раздавлена до смерти! Не говори таких глупостей, если ты умрешь, а я не смогу жить. Как может такая вещь в моем сердце стать глупостью? Учитывая, что Алан действительно является человеком, который лучше всех понимает мысли Лин Цинъюй, Ян Чжао решил честно следовать ее словам.

"Кстати говоря, я действительно великий?" Линь Цинъюй неосознанно кивнул.

"И видишь, под моим началом столько солдат. Кому как не им ладить друг с другом, как братьям, каждый день? Битва приведет к множеству смертей. Если у меня будет время грустить по одному, то я смогу просто умереть с ними раньше". Янь Чжао собрала волосы в пучок и сказала.

Ян Чжао положила Лин Цинъюй на мягкую кушетку, села, взяла карандаш для бровей, тщательно погладила брови, а затем продолжила: "Я очень серьезно отношусь к этим братьям, и сделаю все возможное, чтобы они были в безопасности, так же как и ваши охранники, но Цинъюй, ты должен четко различать. Если охранники и подчиненные не выполняют свою работу, то что ты хочешь, чтобы они делали?"

Линь Цинъюй моргнул и замолчал, как эти слова могли звучать так знакомо?

"Подожди", - Лин Цинъюй схватил руку Ян Чжао и заставил сердце Ян Чжао подпрыгнуть. Затем Лин Цинъюй сказал: "Картина кривая!". Он вздохнул с облегчением и поспешно взял вуваль и вытер ее.

"Давай, я сам", - Линь Цинъюй взял карандаш для бровей, а затем небрежно спросил: "Чему еще учил Алан?".

"Тому, что у тебя должно быть сознание того, что ты главный. Твои подчиненные будут огорчены, если их серьезно ранят. Тогда, разве ты не должен выходить после смерти одного или двух?" После того, как Ян Чжао закончил говорить, он закрыл рот и опустил голову.

Лин Цинъюй положил карандаш для бровей, посмотрел, как веселые мужчины за окном расставляют посуду, и сказал: "Я знаю, что дорога, по которой мы будем идти в будущем, еще более опасна. Таких вещей не избежать. Я должен научиться принимать это и смириться с тем, что однажды, возможно, на меня обменяли жизни таких людей, как они. Потому что это путь, который я выбрал".

"Просто," Лин Цинъюй обхватил лицо Ян Чжао обеими руками и сказал, "Чжао, ты не такой, ты не мой подчиненный, ты моя любовь, ты понимаешь?".

Янь Чжао слабо улыбнулся, пожал ей руку и сказал: "Я знаю, поэтому я буду защищать себя. Разве ты забыла? Я - Ян Чжао, который побеждает во всех битвах".

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2530351>